

УДК 341.96

Н.Н. ВИКТОРОВА

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина»,
г. Москва

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ ТОЛКОВАНИЯ КОНВЕНЦИИ ООН «О ДОГОВОРАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ» 1980 г.

Ключевые слова: добросовестность; Венская конвенция 1980 г.; общие принципы, на которых основана Конвенция; преддоговорная ответственность; Принципы УНИДРУА; толкование международного договора.

Аннотация: Статья посвящена применению добросовестности при толковании Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г. национальными судами разных государств и международными коммерческими арбитражами. Автор исследует два доктринальных подхода к применению понятия «добросовестность». Согласно первой концепции понятие добросовестность можно использовать только для толкования Конвенции. Сторонники другой точки зрения полагают, что необходимость соблюдения добросовестности в международной торговле является одним из общих принципов, на которых основана Конвенция, и что ссылка на соблюдение добросовестности в международной торговле также распространяется на стороны в каждом индивидуальном контракте международной купли-продажи товаров.

В соответствии со ст. 7(1) Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г. (далее – Венская конвенция, Конвенция) при толковании Конвенции надлежит учитывать ее международный характер и необходимость содействовать достижению единообразия в ее применении и соблюдению добросовестности в международной торговле. Принцип добросовестности играет важную роль в международных отношениях [1, с. 82].

Понятие «добросовестность» известно еще со времен римского права. Упоминание об этом

мы находим в Дигестах Юстиниана [11, с. 279]. Римские правовые источники не содержат определения «добросовестности», однако анализ Дигест Юстиниана позволяет сделать вывод, что добросовестность означала, прежде всего, отсутствие умысла со стороны истца по спорам из обязательств либо ответчика при виндикации вещи [7, с. 63].

В настоящее время принцип добросовестности получил всеобщее признание. Он закреплен в законодательстве многих государств. Однако толкование этого понятия и его применение в национальном праве государств различно. Прежде всего, это зависит от того, к какой правовой системе относится тот или иной правовой порядок. Так, в государствах, относящихся к романо-германской правовой системе, используется более широкий подход к обязанности соблюдать добросовестность, т.е. это распространяется как на заключение контракта, так и на его исполнение. В государствах общего права используется более узкий подход, т.е. обязанность соблюдать добросовестность относится только к исполнению контракта [18, с. 336].

Подход к понятию «добросовестность», присущий романо-германской правовой системе, исходит из того, что основное внимание уделяется отношениям между сторонами [18, с. 336]. При этом обязанность соблюдать добросовестность существует еще до заключения контракта между сторонами.

Понятие «добрых нравов» появилось в гражданском законодательстве Германии в конце XIX в. [5, с. 97]. Однако определение понятия добросовестности так и не было разработано. Германское гражданское уложение (§ 157) предусматривает, что договор следует толковать согласно требованиям доброй совести и принимая во внимание обычаи гражданского

оборота [3, с. 134].

Параграф 157 Германского гражданского уложения предусматривает, что договор должен толковаться согласно требованиям доброй совести и обычаям делового оборота. Должник обязан исполнять обязательство добросовестно с учетом обычаев гражданского права [2, с. 59]. Это начало пронизывает, по существу, все гражданское право, различным образом влияя на его отдельные институты [6, с. 344].

Согласно ст. 57 Гражданского кодекса Испании торговые договоры должны быть исполнены добросовестно, в соответствии с теми условиями, которые в них включены [3, с. 221].

В соответствии с п. 2 ст. 762 Гражданского кодекса Португалии в ходе исполнения обязательства, так же как и в ходе осуществления права, стороны обязаны действовать добросовестно [3, с. 247].

Ст. 1134 Гражданского кодекса Франции предусматривает, что соглашения, законно заключенные, должны быть выполнены добросовестно [3, с. 49]. Законодательство Франции предусматривает обязанность соблюдать принцип добросовестности во время проведения переговоров до заключения контракта и при исполнении контракта [3, с. 49].

Законодательство Италии также предусматривает обязанность соблюдать добросовестность не только при исполнении контракта, но и во время ведения предконтрактных переговоров [3, с. 338].

По мнению В.И. Емельянова, анализ ряда статей Гражданского кодекса Российской Федерации (ст. 157, 220, 234, 302, 303, 1109), в которых говорится о недобросовестности участников гражданских правоотношений, приводит к выводу о том, что лицо следует считать добросовестным в том случае, когда оно действует без умысла причинить вред другому лицу, а также не допускает легкомыслия (самонадеянности) и небрежности по отношению к возможному причинению вреда [5, с. 91].

Интерес представляет Единообразный торговый кодекс США, который содержит нормативное понятие добросовестности – это фактическая честность в поведении или сделке, о которых идет речь (п. 19 ст. 1–201). Кодекс (ст. 1–203) предусматривает, что всякий договор или обязательство возлагают обязанность добросовестности при их выполнении или приведении в исполнение [4, с. 49, 54].

Следует иметь в виду, что в праве некото-

рых государств, например ФРГ, применяется преддоговорная ответственность, которая заключается в том, что, если лицо определенным образом выразило свою волю, не намереваясь серьезно осуществить то, к чему относилось волеизъявление, оно обязано возместить убытки, которые возникли у другого лица, положившегося на серьезность сделанного заявления. В случае, когда одна сторона по небрежности сообщает другой неверную информацию, побуждающую контрагента вступить в договор, также должны быть возмещены убытки [14, с. 47]. В этом случае требование соблюдения принципа добросовестности распространяется на преддоговорные отношения сторон.

Итак, можно сделать вывод, что существует два подхода к соблюдению принципа добросовестности. Первый подход предусматривает обязанность не только исполнять обязанности добросовестно. Он распространяется также и на вопросы толкования и заключения контракта [16, с. 153]. Это свойственно для государств континентальной правовой системы. Согласно второму подходу применение принципа добросовестности ограничено только исполнением контракта и не относится к преддоговорной ответственности. Такой подход присущ, например, Единообразному коммерческому кодексу США. Сложности в применении принципа добросовестности заключаются в отсутствии нормативного определения.

Конвенция также не содержит определения добросовестности. Поэтому некоторые ученые полагают, что в этом случае следует использовать национальное право каждого государства [20, с. 334]. Однако с таким утверждением нельзя согласиться, иначе цель, которую ставили разработчики Конвенции, не будет достигнута. Следует обратить внимание и на положение Конвенции, предусматривающее, что при толковании Конвенции следует учитывать ее международный характер. Поэтому и при толковании понятия «добросовестность» нельзя опираться на национальное право, а необходимо принимать во внимание международный характер Конвенции. Большую сложность при толковании этого понятия создает отсутствие в Конвенции этого определения. Вероятно, разработчики Конвенции опасались того, что «добросовестность» – это довольно нечеткое понятие [20, с. 334]. Следует признать, что для достижения единообразия, к которому так стремились разработчики Конвенции, необходимо запол-

нить пробел, оставленный разработчиками, и дать определение добросовестности [20, с. 334].

Вопрос, связанный с принципом добросовестности, вызвал значительные противоречия во время работы над текстом Конвенции. Было внесено предложение включить в текст требование, что стороны должны «действовать добросовестно» при заключении договора [17, с. 99]. Однако представители государств общей правовой системы не согласились с этим предложением. Они полагали, что, несмотря на то, что принцип добросовестности был желателен и предусматривался в национальном праве некоторых государств, использование таких неопределенных и гибких терминов в Конвенции, которые будут толковаться судами с разными традициями, приведет к несоответствующим результатам. В качестве альтернативы было предложено, что добросовестность должна быть использована для толкования контракта [15, с. 209].

Однако, несмотря на достигнутый компромисс, до сих пор не утихают споры в ученом мире по поводу толкования п. 1 ст. 7: относится ли понятие добросовестность только к толкованию Конвенции или оно применимо и к поведению сторон? [22, с. 151]. Это связано с недостаточно четкой формулировкой п. 1 ст. 7: «При толковании ... Конвенции надлежит учитывать необходимость содействовать ... соблюдению добросовестности в международной торговле».

Есть два подхода к толкованию понятия «добросовестность». По мнению одних ученых (А.С. Комаров, А. Кукин), понятие «добросовестность» можно использовать только для толкования Конвенции. А.С. Комаров полагает, что принцип добросовестности применяется только «в контексте и для целей толкования самой Конвенции» [8, с. 10]. Такой же точки зрения придерживается и А. Кукин [9, с. 48]. Он сравнивает ст. 1.7. Принципов УНИДРУА и п. 1 ст. 7 Конвенции. Ст. 1.7. Принципов четко указывает, что каждая сторона обязана действовать в соответствии с принятыми в практике международной торговли добросовестностью и честной деловой практикой [13]. В то же время Конвенция касается вопроса о добросовестности только в контексте ее толкования. Таким образом, получается, что понятие «добросовестность» можно использовать только для толкования Конвенции.

Существует противоположная точка зрения. Ее сторонники (М.Г. Розенберг, П. Шлехтрим, Джозеф Лукофски) полагают, что необходи-

мость соблюдения добросовестности в международной торговле является одним из общих принципов, на которых основана Конвенция [14, с. 6–7]. Профессор Шлехтрим отмечает, что ссылка на соблюдение добросовестности в международной торговле также распространяется на стороны в каждом индивидуальном контракте международной купли-продажи товаров [22, с. 153]. Джозеф Лукофски полагает, что обязанность сторон действовать добросовестно, является общим принципом, на котором основана Конвенция. И это, по его мнению, подтверждается судебной практикой [18, с. 229]. Согласно позиции ученого G. Eörsi невозможно отделить толкование Конвенции от толкования контракта [15, с. 104–105]. Профессор П. Шлехтрим считает, что поскольку ряд статей Конвенции требует от сторон соответствовать стандарту разумности или разумного лица, это можно рассматривать как один из «общих принципов, на которых основана Конвенция» [15, с. 105].

Для разрешения этого спора целесообразно обратиться к Принципам УНИДРУА. В преамбуле Принципов указано, что они могут использоваться для толкования и восполнения международных унифицированных правовых документов. Представляется, что для толкования понятия добросовестность в смысле Конвенции можно использовать ст. 1.7. Принципов. Выше уже говорилось, что, по мнению некоторых судов, Принципы УНИДРУА могут помочь определить точное значение общих принципов, на которых основана Конвенция.

Требование соблюдать добросовестность в международной торговле получило закрепление в Принципах УНИДРУА. Добросовестность и честная деловая практика рассматриваются как одна из основополагающих идей, заложенных в Принципах [13]. Важным положением является п. 2 ст. 1.7. Принципов, указывающий на императивный характер принципа добросовестности, т.е. стороны не могут исключить или ограничить обязанность действовать добросовестно.

Таким образом, применяя Принципы УНИДРУА для толкования Конвенции, можно сделать вывод, что добросовестность – это общий принцип, на котором основана Конвенция. Он обязывает стороны действовать добросовестно, и стороны не вправе исключить или ограничить эту обязанность.

Понятие «добросовестность» неоднократно используется во всей Конвенции. Оно выра-

жается, в частности, в следующих нормах:

– подпункт *b*) п. 2 ст. 16 о безотзывности оферты, если для адресата оферты было разумным полагаться на оферту как на окончательную и если адресат оферты действовал, полагаясь на оферту;

– ст. 37 и 46 относительно права продавца на устранение несоответствия товара;

– п. 2 ст. 47, п. 2 ст. 64 и ст. 82 относительно утраты права заявить о расторжении договора.

Анализ судебной и арбитражной практики показывает, что, по мнению судов и арбитров, добросовестность – это принцип, на котором основана Конвенция, обязывающий стороны действовать добросовестно.

Так, Международный коммерческий арбитражный суд (МКАС) при Торгово-промышленной палате (ТПП) Российской Федерации указал, что «...руководствуясь общим принципом Венской конвенции 1980 г. о необходимости соблюдения добросовестности в международной торговле, МКАС не может согласиться с мнением Продавца о том, что Покупателем вообще не доказано, что на заводах-потребителях проверялся товар из первой партии, поставленной им» [12, с. 187].

Верховный земельный суд г. Гамбурга в своем решении от 28 февраля 1997 г. указал, что прямо выраженное заявление о расторжении договора не является необходимым, если продавец отказался выполнять свои обязательства, и что требование сделать такое заявление противоречило бы принципу добросовестности, даже если Конвенция прямо предусматривает необходимость в таком заявлении о расторжении договора [23].

Апелляционный суд Гренобля (Франция) (решение от 22 февраля 1995 г.) обосновал решение о возмещении одной из сторон убытков

тем, что поведение этой стороны противоречит принципу добросовестности в международной торговле, который установлен в ст. 7 Конвенции. Суд также заявил, что злоупотребление гражданским процессом нарушает принцип добросовестности [24].

По мнению МКАС при ТПП РФ, нарушением принципа добросовестности являются действия лица, допустившего нарушение при заключении сделки, скрывшего подобное нарушение от другой стороны и пытающегося вслед за этим – через 3 года (в течение которых он один знал о возможной причине недействительности сделки) – заявить о признании сделки действительной [14, с. 144].

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие добросовестность выполняет в Конвенции две функции.

1. Понятие добросовестности используется для толкования Конвенции. Это следует из п. 1 ст. 7, который предусматривает, что «при толковании ... Конвенции надлежит учитывать ... необходимость содействовать ... соблюдению добросовестности в международной торговле».

2. Добросовестность – это один из общих принципов, на которых основана Конвенция, и который может применяться при разрешении вопросов, прямо не разрешенных в Конвенции. Выше уже говорилось о том, что принцип добросовестности присутствует во многих статьях Конвенции. Что же касается обязанности сторон вести себя добросовестно при заключении контракта, представляется, что эта обязанность распространяется и на преддоговорную ответственность, поскольку в сферу действия Конвенции входят и вопросы, связанные с заключением договора. Обязанность соблюдать добросовестность само по себе может способствовать созданию атмосферы взаимного доверия среди предпринимателей [19, с. 9].

При написании статьи была использована информационная поддержка СПС «Гарант» и «СПС Консультант Плюс».

Список литературы

1. Дмитриева, Г.К. Принцип добросовестности в современном международном праве / Г.К. Дмитриева // Правоведение. – 1979. – № 6. – С. 82–86.
2. Германское право. Часть 1 // Гражданское уложение. – М., 1996.
3. Кулагин, М.И. Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран. Сборник нормативных актов: гражданские и торговые кодексы : учебное пособие / М.И. Кулагин, В.К. Пучинский. – М. : Издательство УДН, 1986.
4. Единообразный торговый кодекс США. – М., 1996.

5. Емельянов, В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами / В.И. Емельянов. – М. : Лекс-Книга, 2002.
6. Жалинский, А. Введение в немецкое право / А. Жалинский, А. Рерихт. – М. : Спарк, 2001.
7. Краснова, С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве / С.А. Краснова // Журнал российского права. – 2003. – № 3. – С. 62–67.
8. Комаров, А.С. Венская конвенция 1980 г. Принципы УНИДРУА / А.С. Комаров // Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров. К 10-летию ее применения Россией. – М. : Статут, 2001.
9. Кукин, А. Соотношение Принципов УНИДРУА и Венской Конвенции международной купли-продажи товаров / А. Кукин // Законодательство и экономика. – 2000. – № 4(193). – С. 46–50.
10. Михайлов, С. Принцип добросовестности в договорных правоотношениях / С. Михайлов // Хозяйство и право. – 2004. – № 6. – С. 88–92.
11. Памятники римского права: законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М. : Зерцало, 1997.
12. Розенберг, М.Г. Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999–2000 гг. / Сост. М.Г. Розенберг. – М. : Статут, 2002.
13. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА. – СПС «Гарант». – 2010.
14. Розенберг, М.Г. Международная купля-продажа товаров (комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров) / М.Г. Розенберг. – М. : Статут, 2003.
15. Nicholas, B. The Vienna Convention on International Sales Law / B. Nicholas // The Law Quarterly Review. – 1989. – Vol. 105. – P. 201–243.
16. Ferrari, F. Interpretation of the Convention and gap-filling: Article 7 / F. Ferrari // The Draft UNCITRAL Digest and Beyond: Cases, Analysis and Unresolved Issues in the U.N. Sales Convention. Sellier. – European Law Publishers, 2004.
17. Honnold, J.O. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention : 3rd edition / J.O. Honnold. – Kluwer Law International, 1999.
18. Lookofsky, J. CISG foreign case law: how much regard should we have? / J. Lookofsky // The Draft UNCITRAL Digest and Beyond: Cases, Analysis and Unresolved Issues in the U.N. Sales Convention. Sellier. – European Law Publishers, 2004.
19. Ndulo, M. The Vienna Sales Convention 1980 and the Hague Uniform Laws on International Sale of Goods 1964: a comparative analysis / M. Ndulo // International and Comparative Law Quarterly. – January 1989. – Vol. 38. – Part 1. – P. 1–25.
20. Powers, P.J. Defining the Undefinable: Good Faith and the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods / P.J. Powers // Journal of Law and Commerce. – 1999. – № 18.
21. Schlechtriem, P. Kommentar zum Einheitlichen UN-Kaufrecht / P. Schlechtriem, I. Schwenzer. – Verlag C.H. Beck Muenchen, 2004.
22. UNCITRAL Digest of case law on the United Nations Convention on the International Sales of Goods [Electronic resource]. – Access mode : www.uncitral.org/en-index.html.
23. [Electronic resource]. – Access mode : cisgw3.law.pace.edu/cases/960321g1.html.
24. [Electronic resource]. – Access mode : cisgw3.law.pace.edu/cases/950222f1.html.

References

1. Dmitrieva, G.K. Princip dobrosovestnosti v sovremennom mezhdunarodnom prave / G.K. Dmitrieva // Pravovedenie. – 1979. – № 6. – S. 82–86.
2. Germanskoe pravo. Chast' 1 // Grazhdanskoe ulozhenie. – М., 1996.
3. Kulagin, M.I. Grazhdanskoe, torgovoe i semejnoe pravo kapitalisticheskikh stran. Sbornik normativnykh aktov: grazhdanskie i torgovye kodeksy : uchebnoe posobie / M.I. Kulagin, V.K. Puchinskij. – М. : Izdatel'stvo UDN, 1986.
4. Edinoobraznyj torgovyj kodeks SShA. – М., 1996.
5. Emel'janov, V.I. Razumnost', dobrosovestnost', nezloupotreblenie grazhdanskimi pravami / V.I. Emel'janov. – М. : Leks-Kniga, 2002.
6. Zhalinskij, A. Vvedenie v nemeckoe pravo / A. Zhalinskij, A. Reriht. – М. : Spark, 2001.

7. Krasnova, S.A. Opredelenie ponjatija «dobrosovestnost'» v rossijskom grazhdanskom prave / S.A. Krasnova // Zhurnal rossijskogo prava. – 2003. – № 3. – S. 62–67.
8. Komarov, A.S. Venskaja konvencija 1980 g. Principy UNIDRUA / A.S. Komarov // Venskaja konvencija OON 1980 g. o dogovorah mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov. K 10-letiju ee primenenija Rossiej. – M. : Statut, 2001.
9. Kukin, A. Sootnoshenie Principov UNIDRUA i Venskoj Konvencii mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov / A. Kukin // Zakonodatel'stvo i jekonomika. – 2000. – № 4(193). – S. 46–50.
10. Mihajlov, S. Princip dobrosovestnosti v dogovornyh pravootnoshenijah / S. Mihajlov // Hozjajstvo i pravo. – 2004. – № 6. – S. 88–92.
11. Pamjatniki rimskogo prava: zakony XII tablic. Institucii Gaja. Digesty Justiniana. – M. : Zercalo, 1997.
12. Rozenberg, M.G. Praktika Mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazhnogo suda pri TPP RF za 1999–2000 gg. / Sost. M.G. Rozenberg. – M. : Statut, 2002.
13. Principy mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov UNIDRUA. – SPS «Garant». – 2010.
14. Rozenberg, M.G. Mezhdunarodnaja kuplja-prodazha tovarov (komentarij k pravovomu regulirovaniju i praktike razreshenija sporov) / M.G. Rozenberg. – M. : Statut, 2003.

N.N. Viktorova

Kutafin Moscow State University of Law, Moscow

**Good Faith as one of the Principles of Interpretation of the 1980 UN Convention
“On Contracts for the International Sale of Goods”**

Keywords: good faith; the CISG-Convention; interpretation of an international treaty; the UNIDROIT Principles; general principles of the CISG-Convention.

Abstract: The article is devoted to the application of the principle of good faith to the interpretation of the United Nations Convention “On Contracts for the International Sale of Goods” (1980) by national courts of different countries and international commercial arbitrations. There are two doctrine approaches with respect to the application of good faith. According to the first concept, good faith may be only used for the interpretation of the Convention. Under the second concept, the observance of good faith in international trade is one of the general principles on which the Convention is based. The provision of the Convention on the observance of good faith in international trade imposes the good faith obligations on the parties of any individual contract of international sale of goods.

© Н.Н. Викторова, 2015